

**Международный коллоквиум,
продолжающий серию франко-российских коллоквиумов (Москва, ИМЛИ в
сотрудничестве с различными научными организациями, 2004-2021 гг.)**

ПАРОДИЙНЫЙ ТЕКСТ В СРЕДНИЕ ВЕКА И КОНЦЕПТ «ПАРОДИИ» В МЕДИЕВИСТИКЕ

27-30 августа 2024 г.

Клермон-Ферран

Последние десятилетия отмечены повышенным интересом к пародии, средневековой в том числе; помимо отдельных исследований, ей посвящались и труды нескольких коллоквиумов¹. В соответствии с современным пониманием термина, авторы напоминают, в частности, что пародия – «палимпсест, сквозь который постоянно виден гипотекст, представленный, однако, искаженным образом, так что подобающее замещается неподобающим². Из публикаций следует, кроме того, что концепт «пародии» применительно к средневековой литературе толкуется различным образом – более или менее расширительно. Так, согласно Мадлен Же, понимание пародии как осмеяния определенного текста, использующееся при анализе литературы Нового времени, неприменимо к средневековым литературам; ссылаясь на С. Галопенсия-Эрутеску, она склонна полагать, что средневековая пародия носит архаичный синкретический характер, в отличие от позднейших пародий. Важно подчеркнуть, однако, что С. Галопенсия-Эрутеску лишь кратко упоминает античную пародию, не уделяя никакого внимания средневековой пародии, и ее замечания основаны главным образом на работах М. М. Бахтина. Настаивая на неприменимости термина «пародия» к изучению литературы Средних веков, Мадлен Же тем не менее не отказывается от его использования, хоть и констатирует в конце концов, что в Средние века пародия полифункциональна и фактически неотличима от игры, иронии и сатиры; она также вынуждена признать, что восприятие текста как пародийного глубоко субъективно; пародийный эффект создается не только письмом, но и чтением³.

Жан-Клод Мюлеталер, с одной стороны, отмечает, что желание усматривать пародию в каждом комическом тексте выхолащивает смысл термина; он предупреждает против чрезмерно расширительного его понимания⁴; в другой статье он предлагает определение средневековой пародии, близкое к тому, что используется при анализе литературы Нового времени: пародия воспроизводит в игровом регистре некоторые элементы своей модели, так что «свет падает на них с неожиданной стороны, [...] и читатель

¹ Ср., в частности, труды коллоквиумов: *Burlesque et formes parodiques dans la littérature et les arts: actes du colloque de l'Université du Maine* (Le Mans, du 4 au 7 décembre 1986), Isabelle Landy-Houillon, Maurice Ménard édés., Seattle, Tübingen, W. Leiner, 1987; *Formes de la critique: Parodie et satire dans la France et l'Italie médiévales*, éd. par J.-C. Mühlethaler avec la collaboration d'A. Corbellari et de B. Wahlen, Paris, Champion, 2003; *Formes et fonctions de la parodie dans les littératures médiévales: actes du colloque international*, Zurich, 9-10 décembre 2010, Johannes Bartuschat, Carmen Cardelle De Hartmann édés., Firenze, Edizioni del Galluzzo, 2013; *Parodies courtoises, parodies de la courtoisie*, Margarida Madureira, Carlos Clamote Carreto et Ana Paiva Morais, Paris, Classiques Garnier, 2016. — Не имея возможности перечислить многочисленные работы о пародии, упомянем все же специальный номер журнала: *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, v. 15, 2008 (*Tentation du parodique dans la littérature médiévale*).

² Eglal Doss-Quinby, Marie-Geneviève Grossel et Samuel N. Rosenberg, «Sottes chansons contre Amours», *Parodie et burlesque au Moyen Âge*, Paris, Champion, 2010, p. 25.

³ Madelaine Jeay, «Polyphonies textuelles. Écriture de la parodie», *Parodies courtoises, parodies de la courtoisie*, op. cit., p. 360-361 (со ссылкой на: Sanda Galopensia-Erutescu, «Parodie, pastiche et textualité», *Le singe à la porte. Vers une théorie de la parodie, textes rassemblés et édités par Groupar*, New York, Peter Lang, 1984, p. 117-133), 384-385.

⁴ Jean-Claude Mühlethaler, «Préface. À la recherche de la parodie médiévale», *Formes de la critique: parodie et satire dans la France et l'Italie médiévales*, op. cit., p. 7-14, ici p. 11-12, цитата: p. 8.

– хотя бы на мгновение – начинает интересоваться, скорее, приемами письма, нежели тем, что рассказано»⁵.

С другой стороны, Ж.-К. Мюлеталер порой сближает концепт «пародии» и обнаружение интертекстуальных связей между анализируемым произведением и другими текстами: рассматривая «Сто новых новелл», он находит такие связи между новеллами и многими, порой хронологически удаленными произведениями средневековой литературы (на наш взгляд, далеко не всегда очевидные), отмечая затем, что один текст «переворачивает» другой и признавая первый «пародийным»⁶. Он подчеркивает, что возможность оценить эти связи находится в зависимости от интеллектуального горизонта читателя, признавая, как и Мадлен Же, что оценка текста как пародийного в немалой степени субъективна.

Эстель Дуде предлагает различать пародию, стилизацию и сатиру: в отличие от сатиры, пародия и стилизация не предполагают существование референта; они близки, поскольку требуют от автора работы «над поэтической функцией языка», но пародии присуще «намеренное переворачивание источника в комическом и ироническом ключе». В дальнейшем, однако, при анализе фарсов Пьера Ленодри Эстель Дуде сближает пародию, стилизацию, сатиру, иронию, а также интертекстуальные эффекты⁷.

Изучая жалобу из «Романа о Фовеле», переработанного Шайу де Пестена (рукопись Национальной библиотеки Франции fr. 146) Тибо Рандом также сравнивает сатиру и пародию, доказывая, что пародия имеет в этом случае сатирические цели; он, кроме того, выявляет внутренние и внешние критерии, позволяющие идентифицировать пародийный дискурс⁸. Анализ жалобы из «Романа о Фовеле» позволяет ему сформулировать определение пародии, близкое к общепринятому: пародия предполагает «подражание некой модели – тексту или речи, определяющим эстетическую норму (языковую, стилистическую, жанровую, медицинскую и т.д.), – и одновременно ее выворачивание».

Со своей стороны, Элизабет Гоше, как кажется, дистанцируется от расширительного понимания термина «пародия»: отмечая, вслед за другими исследователями, что в средневековых трактатах «пародия» не упоминается, она предпочитает говорить не о средневековой пародии как таковой, но о «пародийности» текстов («esprit parodique»); произведения, ей наделенные, используют литературные клише и способствует не столько критике, сколько обновлению литературы; она сближает, на наш взгляд, средневековую пародию и то, что русские формалисты называли «остранением»⁹.

Русские формалисты (В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевский) во многих работах уделяли внимание пародии; они использовали концепт пародии, скорее, в широком значении термина. Так, Шкловский создал концепцию «обнажения приема» и

⁵ J.-C. Mühlethaler, «Renversement, déplacement et irradiation parodiques. Réflexions autour du *Conte du papegau*», *Poétique*, t. 157, 2009, p. 3-17.

⁶ Jean-Claude Mühlethaler, «Irradiation parodique et logique de recueil: l'exemple des *Cent nouvelles nouvelles*», *Formes et fonctions de la parodie dans les littératures médiévales*, op. cit., p. 193-212. Так, пересказывая новеллу №46, где любовники предаются утехам под грушей, исследователь привлекает к анализу и библейский контекст с райским деревом, поскольку груша с ним схожа, и «Роман о груше», и «Исповедь» Августина, поскольку тот признается, что воровал груши, и «Клижес» Кретьена де Труа, поскольку падение груши разбудило Фениссу. Анализируя новеллу №45, героя которой зовут «donne Marguerite», он полагает, что имя собственное отсылает к святой Маргарите из «Золотой легенды» Иакова Ворагинского и приходит к заключению, что новелла является пародийным житием (p. 202-203; 206-207). – О связи между пародией и интертекстуальностью см. также: Madelaine Jeay, «Polyphonies textuelles. Écriture de la parodie», *Parodies courtoises, parodies de la courtoisie*, op. cit., p. 359-385, здесь: p. 360.

⁷ E. Doudet, «Parodies en scène. Textes et contextes dans le théâtre de Pierre de Lesnauderie (Caen, 1493-1496)», *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, t. 15 (*Tentation du parodique dans la littérature médiévale*), op. cit., p. 31-43, цитата: p. 32; ср. также: p. 36, 40, 42, 43.

⁸ Thibaut Radomme, «Satire et parodie dans la 'Complainte' du *Roman de Fauvel* remanié de Chaillou de Pestain (Paris, BnF, fr. 146): pourquoi et comment rit-on des puissants au XIVe siècle», *Le rire: formes et fonctions du comique. Actes du colloque de Lausanne (9-10 juin 2016)*, Marta Caraion, Laurence Danguy dir., 2017.

⁹ É. Gaucher, «Avant-propos», *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, t. 15 (*Tentation du parodique dans la littérature médiévale*), op. cit., p. 1-2, здесь: p. 1.

называл пародийный роман самым типичным явлением мировой литературы. А Томашевский определял пародию как «обнажение сюжетного приема с целью создания комического эффекта» и считал, что одной из главных функций пародии является осмеяние и разоблачение чужой литературной школы (Теория литературы. Поэтика, 1925); Тынянов настаивал на пародийном «приращении смыслов» в пародийном тексте. Главный оппонент и одновременно собеседник формалистов М.М. Бахтин, опираясь на О. М. Фрейденберг, полагал, что одной из важнейших функций античной и средневековой пародии было возрождение жанров и литературных форм. Он утверждал, что почти все речевые и художественные жанры имели пародийные аналоги (ср. у Фрейденберг: «изначально пародировалось всё самое священное»); один из важнейших факторов, обуславливающих возможность пародирования, – наличие дистанции между автором и объектом его изображения¹⁰.

Мы предлагаем вернуться к этой проблематике с тем, чтобы понять, насколько продуктивно использование термина пародия в расширительном или более узком значении для анализа средневековых литератур. Мы, кроме того, считаем немаловажным оценить, насколько возможно для средневековых литератур различать пародию от других видов осмеяния и критики более раннего текста или группы текстов. Кажется интересным обсудить, наконец, позволяют ли средневековые литературы обнаружить разные типы пародии – в узком (пародия на определенный текст) и более расширительном значении термина.

С этой целью, нам кажется, было бы полезно уделить внимание нескольким вопросам.

(a) Концепт «пародии» в истории литературы и критике

Чем мотивирован исследовательский интерес к пародии, в частности, средневековой? Вспышки такого интереса в XX веке: каковы их причины, в какой интеллектуальный, литературный, художественный контекст они вписываются? Нельзя ли считать, что поиск интертекстуальных связей между произведениями, будучи одним из магистральных направлений современных исследований, индуцирует оценку текстов как «пародийных»? А если так, не приписывает ли современный исследователь черты пародии тому произведению, которое в средневековом контексте ими не обладало?

(b) Пародия и ее рецепция в Средние века

Способен ли средневековый читатель отметить пародийность текста, который представляется таковым исследователю нашего времени? Если способен, что может на это указывать? Тот же вопрос имеет значение и для оценки тех или иных частей средневекового текста как «комических».

(c) Пародия и социальный, а также литературный контекст

Является ли пародия универсальным или, напротив, хронологически ограниченным инструментом? Существуют ли какие-то условия – социальные, литературные – для того, чтобы пародии писались и получили распространение или, напротив, не были востребованы?

(d) Пародия и риторика

¹⁰ Ср. «Эпос и роман».

Как не раз отмечали исследователи¹¹, пародия как таковая не упоминается в средневековых поэтиках. Ее сближали с сатирой, иронией и антитезой, иногда – шуткой, остроловием (с отсылкой к Квинтилиану, VI, 3, 96-98), а также, пользуясь современной терминологией, «переворачиванием» («renversement», «inversement»), «смещением» («déplacement»), стилизацией (pastiche)¹². Исчерпывают ли эти отсылки совокупность терминов, с какими может ассоциироваться пародия? Возможно ли найти жанровые номинации или авторские названия произведений, которые указывают на их пародийный характер?¹³

(e) Пародия и вопрос о «жанрах» в литературе Средних веков

В некоторых исследованиях говорится о средневековой пародии на определенные жанры средневековой литературы¹⁴. Вместе с тем, применимость термина «жанр» к средневековым литературам оспаривали (в частности, П. Зюмтор); согласно другой точке зрения, жанры в средневековой литературе не были устойчивыми. Как примирить эти противоречия? Можно ли считать, что не все жанры средневековой литературы становились объектом пародии? Существуют ли в этой области ограничения?

(f) Пародия, сатира, ирония, игровая поэзия в Средние века

Позволяют ли сближение средневековой пародии с сатирой и иронией усматривать в первой самостоятельное явление? Как соотносятся термины «игровая поэзия», «игровое начало» и «пародия»? Ирония, как известно, присуща канцонам трубадуров и труверов, комические эпизоды входят в эпические песни; ироническое снижение ощутимо в романах Кретьена де Труа, и т. д. Однако можно ли в этих случаях говорить о пародии? Не следует ли предположить, что контртекст, дабы быть пародией, отличной от иронии, а также других видов критики, осмеяния, переписывания и цитирования источника, должен обладать также и его формальными признаками?

(g) Пародия и религиозный дискурс

Какой смысл следует вкладывать в термин «священная пародия», каков ее статус в Средние века и какие формы она принимала?

¹¹ Ср.: Jean-Claude Mühlethaler, «Préface: À la recherche de la parodie médiévale», *Formes de la critique: Parodie et satire dans la France et l'Italie médiévales*, op. cit., p. 7-14, здесь: p. 7-8; Élisabeth Gaucher, «Avant-propos», op. cit.; Jelle Koopmans, «La parodie en situation. Approches du texte festif de la fin du Moyen Âge», *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, t. 15 (*Tentation du parodique dans la littérature médiévale*), op. cit., p. 87-98, здесь: p. 87.

¹² Jean-Claude Mühlethaler, «Récriture et parodie: l'idéal chevaleresque et l'idéal politique à l'épreuve du *Livre du Cœur d'amours esprits* de René d'Anjou», *Formes de la critique: Parodie et satire dans la France et l'Italie médiévales*, op. cit., op. cit., p. 235-259, в частности: p. 247; Jean-Claude Mühlethaler, «Irradiation parodique et logique de recueil: l'exemple des *Cent nouvelles nouvelles*», *Formes et fonctions de la parodie dans les littératures médiévales*, op. cit., p. 193-212, здесь: p. 194, 199, 201, 205, 207. Кроме того: Estelle Doudet, «Parodies en scène. Textes et contextes dans le théâtre de Pierre de Lesnauderie (Caen, 1493-1496)», op. cit.

¹³ Ср., в частности: Jelle Koopmans, «La parodie en situation. Approches du texte festif de la fin du Moyen Âge», op. cit., p. 89, который приводит некоторые из таких номинаций для литературы позднего Средневековья (прил. «joyeux»).

¹⁴ Ср., в частности: Isabelle Arseneau, *Parodie et merveilleux dans le roman dit réaliste au XIIIe siècle*, Paris, Classiques Garnier, 2013. – Кроме того: Élisabeth Gaucher, «Avant-propos», *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*, t. 15 (*Tentation du parodique dans la littérature médiévale*), op. cit., p. 2; а также: Elizabeth Dearnley, «Parody, Transsexuality and the Breton Lay», *Parodies courtoises, parodies de la courtoisie*, op. cit., p. 235-248; Chiara Concina, «Quelques notes sur les jeux-partis parodiques», *ibid.*, p. 403-415; Marie-Geneviève Grossel, «Intertexte et contre-texte, l'exemple de la sotte chanson», *ibid.*, p. 279-291.

Организационный комитет:

Людмила Евдокимова (Институт мировой литературы, Свято-Тихоновский православный университет, Москва);

Наталья Долгорукова (Высшая школа экономики, Москва);

Françoise Laurent (Université Clermont Auvergne Clermont-Ferrand, France).

Участие в коллоквиуме

Для участия в коллоквиуме следует направить членам организационного комитета заявки с тезисами доклада (приблизительно десять строк), а также краткое резюме не позднее 30 июня 2023 по следующим адресам:

ludmila.evdokimova@gmail.com

Natalia.dolgoroukova@gmail.com

francoise.laurent@uca.fr

Результаты будут сообщены участникам не позднее 3 сентября 2023 г.

Рабочие языки: французский, английский.

Труды коллоквиума будут опубликованы, как и все труды предшествующих франко-российских коллоквиумов.